

Кравцов Иван Семенович

**Кавказ и его военачальники
Н.Н. Муравьев, А.И.
Барятинский и Н.И.
Евдокимов 1854-1864 гг**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Семенович К.**
Кавказ и его военачальники Н.Н. Муравьев, А.И. Барятинский и Н.И. Евдоки-
мов 1854-1864 гг / Кравцов Иван Семенович – М.: Книга по Требованию,
2024. – 73 с.

ISBN 978-5-519-90856-6

ISBN 978-5-519-90856-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

полуразрушенная батарея, а на лѣвой, въ голубомъ полѣ, золотая земледѣльческая борона. Щитъ съ лѣвой стороны поддерживается филинъ, а съ правой—черкесъ въ полномъ вооруженіи, имѣя въ правой рукѣ значекъ, на красномъ полѣ котораго изображено лѣвое орлиное крыло, внизу же щита, на красной лентѣ, самъ покойный государь соизволилъ начертать девизъ: „съ бою“, означавшій получение графскаго достоинства съ бою.

Извѣстно, что Ведень былъ взятъ 1-го апрѣля 1859 года, чему исполнилось 25 лѣтъ 1-го апрѣля 1884 года. Вдова графиня Александра Александровна Евдокимова пожелала освятить память этого, въ свое время важнаго, событія, приношеніемъ къ стопамъ государя императора поздравленія съ тогдашнимъ успѣхомъ нашего оружія. На это военный министръ прислалъ ей телеграмму слѣдующаго содержанія:

— „Письмо ваше я имѣлъ счастье всеподданнѣйше представить государю императору. Его величество поручилъ мнѣ благодарить васъ за поздравленіе по случаю двадцати-пяти-лѣтней годовщины взятія Веденя и изволилъ при этомъ съ благодарностію вспомнить о герояхъ Кавказской арміи, которые, подъ предводительствомъ покойнаго вашего мужа, прославили въ этотъ день русское оружіе однимъ изъ достославнѣйшихъ подвиговъ“.

Возвращаясь къ упомянутому проекту князя Барятинскаго о покореніи восточнаго Кавказа, я долженъ сказать, что всѣмъ извѣстно, что отъ составленія самыхъ прекрасныхъ и основательныхъ плановъ до ихъ выполненія—разстояніе весьма большое, такое большое, что нерѣдко эти планы остаются безъ всякихъ послѣдствій, а отъ неумѣлаго ихъ исполненія даже происходитъ большой вредъ. Примѣровъ тому военная исторія представляетъ не мало. Хотя почтенный авторъ въ своей статьѣ видимо желаетъ ослабить значеніе важныхъ и трудныхъ подвиговъ графа Евдокимова ссылкой на дѣлаемые ему будто-бы изъ Тифлиса бумажныя указанія и на выраженное яко-бы неудовольствіе со стороны князя Барятинскаго за медленные дѣйствія, въ чемъ можно и не сомнѣваться, такъ какъ подобныя, весьма трудныя, предпріятія и не могутъ достигаться съ такою быстротою, какая казалась возможною въ Тифлисѣ, а не на мѣстѣ дѣйствія, съ почти неодолимыми преградами, представляемыми самою природою и отчаяннымъ и упорнымъ сопротивленіемъ не-

пріятеля, боровшагося за свою жизнь; однако, все это, тѣмъ не менѣе, не можетъ умалить подвиговъ графа Евдокимова, разъ, что онъ выполнилъ планъ и вполнѣ достигъ предполагаемой цѣли, то всецѣло и относится къ нему лично и къ войскамъ, имъ предводимымъ. Есть еще въ живыхъ современники этого событія, которые утверждаютъ, что безъ Евдокимова князь Барятинскій никогда бы не достигъ такихъ блестящихъ и рѣшительныхъ результатовъ въ покореніи восточнаго Кавказа, потому что другого такого генерала, какъ Евдокимовъ, по уму, энергіи, твердости характера и умѣнью выполнять подобныя предпріятія, въ распоряженіи князя Барятинскаго не оказывалось.

Въ высочайшей грамотѣ на имя графа Евдокимова, 17-го апрѣля 1859 года, сказано:

„Двухлѣтніе безпримѣрные труды храбрыхъ войскъ лѣваго крыла Кавказской линіи побѣдоносно увѣнчались взятіемъ сильно укрѣпленнаго аула Веденя. Овладѣніе этимъ мѣстомъ, которое, въ теченіи 14 лѣтъ было пребываніемъ главнаго предводителя непокорныхъ намъ горскихъ племенъ,—упрочиваетъ приобрѣтенные оружіемъ нашимъ успѣхи во вновь завоеванной странѣ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ была доселѣ главная опора враждебной намъ силы, возводятся нынѣ штабъ-квартира Куринскаго пѣхотнаго полка. Относя столь отличное выполненіе предводительствуемыми вами войсками предначертанной для нихъ цѣли военныхъ дѣйствій къ боевой вашей опытности и превосходной воинской распорядительности, я пожаловалъ васъ, за взятіе Веденя, кавалеромъ ордена св. великомученика и побѣдоносца Георгія 3-й степени, и въ воздаяніе долговременной, отлично боевой службы вашей на Кавказѣ и важныхъ воинскихъ заслугъ, сему краю оказанныхъ, возвелъ васъ указомъ, сего же числа правительствующему сенату даннымъ, въ графское Россійской имперіи достоинство съ нисходящимъ потомствомъ“.

Нужно еще прибавить, что изъ современныхъ графу Евдокимову генераловъ, по происхожденію и по образованію выше его стоявшихъ, по признанію самого князя Барятинскаго, ни одинъ не соотвѣтствовалъ для выполненія его столь труднаго плана. Смѣю надѣяться, что съ этимъ согласится и самъ почтенный авторъ, генер. Ольшевскій. Заслуга князя Барятинскаго становится тѣмъ болѣе важною, что онъ не только составилъ основательный планъ, но и умѣлъ выбрать для выполненія его способнаго генерала, что не всегда и не всякому главнокомандующему удавалось.

Князь Барятинскій и графъ Евдокимовъ, одинъ — потомокъ древней великокняжеской династіи, а другой сынъ — крестьянина,

взятаго по набору въ службу и дослужившагося оберъ-офицерскаго чина, изъ чего, однако, нѣтъ никакого повода презрительно называть его человѣкомъ будто-бы темнаго происхожденія, какъ то дѣлаетъ, къ прискорбію, авторъ,—были оба чисто-русскіе люди и сослужили великую службу своему отечеству, покоривъ ему весь обширный сѣверный Кавказъ, равный многимъ изъ царствъ земныхъ, отдѣльно взятыхъ. Этимъ намъ, русскимъ, тѣмъ болѣе слѣдуетъ гордиться, что мы обязаны такимъ великимъ подвигомъ своимъ кровнымъ русскимъ героямъ, а не иноземнаго происхожденія. Изъ этихъ героевъ первый былъ представителемъ царской власти, а послѣдній—представителемъ того твердаго и незыблемаго гранитнаго фундамента, который называется русскимъ народомъ и изъ среды котораго вышли его герои-подвижники славы и величія дорогаго нашего отечества.

Дождутся-ли когда историческіе дѣятели на Кавказѣ—князь Барятинскій и графъ Евдокимовъ—постановки памятниковъ, достойныхъ ихъ великихъ дѣлъ — сказать трудно. Оба они при жизни своей имѣли такъ много завистниковъ и враговъ, изъ коихъ не мало еще понынѣ здравствуютъ; оба они такъ недавно еще сошли въ могилу, что безпристрастная оцѣнка ихъ заслугъ пока невозможна, такъ какъ ненависть къ нимъ, особенно къ послѣднему, очевидно, еще и доселѣ далеко не остыла.

Изъ лицъ, недавно писавшихъ о графѣ Евдокимовѣ, М. И. Венюковъ полагаетъ поставить ему памятникъ за Лабою на Фарсѣ, а г. Зиссерманъ—въ Веденѣ или въ г. Грозномъ, гдѣ нанесено имъ Шамилю окончательное пораженіе. Это мнѣніе болѣе основательное. Но принимая во вниманіе, во-первыхъ, что указанная мѣста довольно глухія, мало кѣмъ изъ Россіи посѣщаемы, а во вторыхъ, что западный Кавказъ покоренъ имъ самостоятельно, по собственному своему плану, кажется мнѣ приличнѣе поставить ему памятникъ въ г. Пятигорскѣ, какъ центральномъ пунктѣ на сѣверномъ Кавказѣ, куда стекаются посѣтители на минеральныя воды со всей Россіи и гдѣ находится его могила на видномъ мѣстѣ у соборнаго храма, какъ ниже описано. Что касается князя Барятинскаго, то ему всего приличнѣе поставить памятникъ въ городѣ Тифлисѣ, на лучшемъ и видномъ мѣстѣ, а именно: на Гунибской площади, наименован-

ной такъ въ память плѣненія княземъ А. И. Барятинскимъ Шамиля на горѣ Гунибѣ. Такъ думаютъ многіе изъ старыхъ соратниковъ князя Барятинскаго.

II.

О генералѣ Муравьевѣ М. Я. Ольшевскій въ Запискахъ своихъ, помѣщенныхъ въ „Русской Старинѣ“, такъ выразился: „Болѣе же всѣхъ радовались (увольненію Муравьева и назначенію князя Барятинскаго) служащіе, которые подавлены были холодною надменностью и непомѣрнымъ упрямствомъ Н. Н. Муравьева“. Далѣе продолжаетъ: „Въ октябрѣ оба главнокомандующіе ѣхали по разнымъ направленіямъ. Старый выѣхалъ изъ Ставрополя тихо, скромно, безъ малѣйшаго сочувствія со стороны своихъ подчиненныхъ; самъ же онъ покидалъ Кавказъ съ сожалѣніемъ, какъ честолюбецъ, лишаящійся такой огромной власти и почестей“.

Будучи въ то время дежурнымъ штабъ-офицеромъ бывшаго Кавказскаго линейнаго казачьяго войска, я самымъ положительнымъ образомъ удостовѣряю, что выше сказанное авторомъ объ отъѣздѣ Н. Н. Муравьева изъ Ставрополя ошибочно; утверждаю это тѣмъ съ большимъ основаніемъ, что я лично принималъ участіе въ приготовленіяхъ къ встрѣчѣ въ Ставрополѣ и въ проводахъ изъ него Н. Н. Муравьева съ семействомъ. Напротивъ, Н. Н. Муравьевъ былъ встрѣченъ въ Ставрополѣ и провоженъ изъ него, чрезъ день, до селенія Московскаго, за 30 верстъ отъ города, съ полнымъ сочувствіемъ и почетомъ.

При пріѣздѣ въ городъ, его встрѣтили: многочисленное городское общество, съ городскимъ головою, съ хлѣбомъ-солью, а также всѣ военные и гражданскіе чины и наличные дворяне съ губернскимъ предводителемъ, при чемъ былъ поставленъ у квартиры его почетный караулъ съ музыкою. Послѣ пріема, тутъ же предводитель дворянства и городской голова, отъ имени своихъ сословій, обратились съ просьбою къ Николаю Николаевичу удостоить принять отъ нихъ на другой день парадный обѣдъ, въ честь его, въ залахъ дворянскаго собранія, чтобъ проводить дорогаго гостя, по русскому обычаю, съ хлѣбомъ-солью. Николай Николаевичъ, видимо тронутый такимъ вниманіемъ,

съ удовольствіемъ изъявилъ на это согласіе. Въ этомъ обѣдѣ приняли участіе: губернаторъ генер.-лейт. Волоцкой, атаманъ линейнаго войска генер.-маіоръ Рудзевичъ и всѣ бывшіе въ городѣ военные и гражданскіе чины, а также много купечества и дворянъ, такъ что за столъ сѣло не менѣе трехсотъ персонъ.

Николай Николаевичъ пріѣхалъ къ обѣду съ супругою и двумя дочерьми дѣвцами; его встрѣтили у параднаго подъѣзда: губернаторъ, атаманъ, губернский предводитель дворянства и городской голова, съ хоромъ музыки, заигравшей маршъ. За обѣдомъ было выпито не мало тостовъ за здоровье дорогаго гостя и его семейства съ самымъ сердечнымъ пожеланіемъ ему добраго здоровья и счастливаго пути; при чемъ выражалось непритворное сожалѣніе о томъ, что онъ такъ скоро оставляетъ Кавказъ, такъ какъ всѣ благомыслящіе люди русскіе ожидали отъ Муравьева, какъ государственнаго мужа обширнаго ума и высокихъ нравственныхъ качествъ, по окончаніи войны, много полезнаго для этого богатаго и обширнаго края. Обѣдъ длился долго. По окончаніи его, всѣ бывшіе за столомъ встали съ своихъ мѣстъ и большою толпою почтительно проводили Н. Н. съ семействомъ до экипажа. Вечеромъ въ городѣ была иллюминація съ вензелемъ Муравьева. Предъ самымъ отъѣздомъ послѣ обѣда, къ Николаю Николаевичу обратился городской голова и всѣ бывшіе на обѣдѣ купцы съ просьбой принять отъ нихъ, на другой день, обѣдъ въ селеніи Московскомъ, за 30 верстъ отъ города по почтовому московскому тракту, а всѣ прочіе поддерживали эту просьбу заявленіемъ, что они всѣ желаютъ проводить дорогаго гостя до того же селенія. Николай Николаевичъ съ видимымъ удовольствіемъ на все это изъявилъ свое согласіе. Къ отъѣзду Н. Н. Муравьева были вытребованы изъ ближайшихъ станицъ четыре казачьихъ сотни 3-й ставропольской бригады, съ своими офицерами, въ полной парадной формѣ и съ развѣвающимися сотенными значками; утромъ, въ день отъѣзда Н. Н. изъ Ставрополя, эти сотни были выстроены предъ его квартирою, къ которой собралось не менѣе тридцати разныхъ экипажей, открытыхъ колясокъ, фаэтоновъ, тарантасовъ и просто перекладныхъ, въ которыхъ сидѣло по нѣсколько человѣкъ, собравшихся провожать Н. Н. до селенія Московскаго. День былъ теплый, осенній, солнечный, великолѣпный. Весь этотъ кортежъ, за двумя

экипажами Муравьева, изъ коихъ въ одномъ легкомъ дорожномъ фэзтонѣ сидѣлъ самъ Н. Н., а въ другомъ, каретѣ—помѣщалась его супруга съ дочерьми, двинулся въ путь въ 9 часовъ утра. Какъ извѣстно, отъ г. Ставрополя до селенія Московскаго дорога идетъ по возвышенному горному плато, совершенно ровному, и была на ту пору сухая. Какъ только обогнули лѣсную вершину р. Ташлы, Холодный родникъ, верстахъ въ трехъ отъ города, казаки начали джигитовку съ стрѣльбою и продолжали ее, съ разными варіаціями и малыми перерывами для отдыха, до самаго селенія Московскаго.

На половинѣ пути произошелъ было не совсѣмъ пріятный случай. Во время разгара джигитовки, одинъ казакъ неподалеку отъ экипажа Н. Н. скакалъ во весь карьеръ. Вдругъ лошадь споткнулась о какой-то выдавшійся изъ земли камень и полетѣла чрезъ голову, а съ нею, конечно, и всадникъ, котораго она вдобавокъ еще придавила при паденіи. Всадникъ оказался безъ чувствъ. Экипажи Муравьева и всѣхъ другихъ остановились. Многіе бросились къ упавшему казаку, лежавшему распростертымъ на землѣ. Николай Николаевичъ неторопливо вышелъ самъ изъ экипажа, приказалъ раздѣть казака, досталъ изъ бокового кармана своего сюртука ланцетъ, который онъ, повидимому, постоянно носилъ съ собою, открылъ казаку съ одной руки собственноручно кровь; чрезъ нѣсколько минутъ человекъ очнулся и открылъ глаза.

— „Ну, теперь опасности нѣтъ; можно ѣхать далѣе“,— сказалъ Муравьевъ, и весь кортежъ двинулся далѣе, а казакъ оставленъ былъ на попеченіе пяти его товарищей, доставившихъ его благополучно домой, безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій, благодаря своевременно открытой крови.

По приѣздѣ въ селеніе Московское, гдѣ уже были накрыты столы къ обѣду, въ довольно просторномъ домѣ одного обывателя, а частію на дворѣ, на открытомъ воздухѣ, вблизи самаго дома, всѣ тотчасъ разсѣлись по мѣстамъ. Обѣдъ прошелъ съ тѣми же тостами и сердечными изліяніями къ отѣзжавшему и его семейству, какъ и въ Ставрополѣ. Наконецъ, обѣдъ кончился; всѣ встали съ мѣстъ, и кромѣ губернатора, атамана и предводителя дворянства, съ которыми Н. Н. простился въ комнатѣ, всѣ прочіе выстроились на дворѣ въ одну линію. Муравьевъ

вышелъ изъ дома, обошелъ всѣхъ провожавшихъ, благодарилъ за вниманіе и расположеніе къ нему нѣкоторыхъ, ближе ему извѣстныхъ, обнималъ и цѣловалъ, другимъ просто подавалъ руку.

Затѣмъ, прощанье кончилось, Муравьевъ съ семействомъ сѣлъ въ экипажи, еще разъ снялъ шапку, раскланялся со всѣми, снова благодарилъ за радушные проводы и, наконецъ, сказалъ:

— „Еще разъ прощайте! теперь я поѣду въ Россію уже какъ частный человѣкъ“.

Экипажи двинулись, а мы всѣ закричали дружно и продолжительно: ура!

Вотъ какъ выѣхалъ изъ Ставрополя Н. Н. Муравьевъ.

На сѣверномъ Кавказѣ многіе его любили за его правду и прямоту характера, чисто русскіе, тогда какъ въ Закавказскомъ краѣ, облагодѣтельствованномъ его предмѣстникомъ разными широкими милостями, напротивъ, относились къ нему холодно по той простой причинѣ, что Муравьевъ на подобныя милости былъ очень скупъ..., а былъ онъ скупъ потому, что съ народными деньгами, именуемыми казенными, онъ обходился такъ, какъ Петръ Великій, который говаривалъ, что онъ за каждый рубль, взятый съ народа на нужды государственныя, обязанъ дать отчетъ Богу.

Въ подтвержденіе этой бережливости Н. Н. Муравьева, приведу нѣсколько примѣровъ, лично мнѣ извѣстныхъ.

Какъ извѣстно, Муравьевъ прибылъ на Кавказъ, въ гор. Ставрополь, зимою въ февралѣ 1855 года. Отсюда онъ объѣхалъ, для подробнаго осмотра регулярныхъ войскъ казачьяго вооруженнаго населенія и знакомства съ краемъ, большую часть Кавказской линіи, а также и передовыя линіи: Лабинскую, Кабардинскую, Военно-Грузинскую и Сунженскую, прошелъ съ отрядомъ Малую и часть Большой Чеччи до укрѣпленія Воздвиженскаго и крѣпости Грозной, а оттоль проѣхалъ до моста на р. Терекъ у Николаевской станицы, отколь возвратился во Владикавказъ и отправился далѣе въ Тифлисъ по Военно-Грузинской дорогѣ. Поѣздка эта длилась около мѣсяца.

На пятый день по выѣздѣ изъ Ставрополя чрезъ Прочный-окопъ, на Кубани, и Лабинскую станицу, на Лабѣ, поѣздъ нашъ направился вверхъ по этой рѣкѣ и прибылъ на почлегъ въ укрѣп-

леніе Каладжинское, построенное на значительныхъ высотахъ Каладжинскихъ, надъ самую Лабою, омывающею эти высоты у ихъ подножія. Въ этомъ укрѣпленіи, по окончаніи войны упраздненномъ, былъ расположенъ тогда линейный баталіонъ полковника Кишинскаго.

Переночевавъ въ домѣ баталіоннаго командира, Муравьевъ на другой день утромъ осмотрѣлъ баталіонъ, произвелъ ему ученіе, затѣмъ, обошелъ казармы, лазареты, цейхгаузы, мастерскія, кухни, отвѣдалъ пищу и къ 12 часамъ возвратился въ квартиру. Обогрѣвшись немного въ комнатѣ, вышелъ онъ на площадку передъ домомъ, съ которой открывался видъ на далекое пространство вверхъ и внизъ по Лабѣ и въ Залабинскую сторону. День былъ ясный, солнечный. Муравьевъ желалъ, хотя въ подозрную трубку, осмотрѣть мѣстность выше Каладжей, верстъ 7 по Лабѣ, на которой предположено было построить мостъ, необходимый для военныхъ сообщеній, о чемъ ему было доложено наканунѣ этого дня. Съ нимъ вышли на площадку: командовавшій войсками генералъ Козловскій, начальникъ праваго фланга генералъ Евдокимовъ, завѣдывавшій Кавказскимъ линейнымъ казачьимъ войскомъ, начальникъ штаба полковникъ Мейеръ, начальникъ Лабинской линіи полковникъ Войцицкій, наконецъ, полковникъ Кишинскій и вся свита, въ числѣ коей былъ и я, какъ старшій адъютантъ при Мейерѣ.

Осмотрѣвъ въ трубу мѣстность по указанію рукою генерала Евдокимова и сказавъ, что онъ хорошо видитъ и мѣстность, и частію приготовленный на берегу рѣки лѣсной матеріалъ для моста, Муравьевъ началъ такой разговоръ съ генералами Козловскимъ и Евдокимовымъ:

Муравьевъ: „Скажите, Викентій Михайловичъ, сколько на этотъ мостъ назначено суммы по инженерной смѣтѣ?“

Козловскій: „Двадцать четыре тысячи, ваше высокопр—во“.

Муравьевъ: „А кто будетъ строить мостъ?“

Козловскій: „Инженеръ, состоящій при Николаѣ Ивановичѣ (Евдокимовѣ)“.

Муравьевъ: „А за какую сумму вашъ инженеръ (обращаясь къ Евдокимову) полагаетъ возможнымъ построить мостъ?“

Евдокимовъ: „За двѣнадцать тысячъ ваше высокопр—во“.

Муравьевъ: „Ну, а вы сами, Николай Ивановичъ, какъ находите эту сумму—достаточною?“

Евдокимовъ: „Я полагаю, что мостъ можно построить за шесть тысячъ.“

Муравьевъ: „Очень хорошо. А откуда берете лѣсной матеріалъ?“

Евдокимовъ: „Лѣсной матеріалъ готовится войсками изъ этихъ (показывая рукою) близъ лежащихъ лѣсовъ и перевозится къ мѣсту на полковыхъ казенныхъ подъемныхъ лошадяхъ“.

Муравьевъ: „Очень хорошо. А мастеровыхъ нанимаете вольнонаемныхъ, за какую плату?“

Евдокимовъ: „Мастеровые наряжаются на работы также изъ полковъ, положенные по штату“.

Муравьевъ: „Прекрасно. Стало быть, остается купить только желѣза для связей и винтовъ. А какой длины будетъ мостъ?“

Евдокимовъ: „Семьдесятъ сажень“.

Муравьевъ: „А по какой цѣнѣ продается у васъ тутъ на линіи желѣзо?“

Евдокимовъ: „Не выше трехъ руб. за пудъ“.

Муравьевъ (Немного подумавъ): „Значитъ на такой мостъ потребуется желѣза пудовъ 200“. (Небольшая пауза). „Знаете что, Николай Ивановичъ: я буду просить васъ, чтобъ этотъ мостъ былъ построенъ за шесть сотъ рублей“.

Евдокимовъ (громко): „Слушаю-съ, ваше высокопр—ство“.

И мостъ, дѣйствительно, былъ построенъ за 600 руб.

Послѣ этого Муравьевъ направился въ домъ, а за нимъ и всѣ прочіе, тотчасъ сѣли за обѣдъ, а по окончаніи его немедленно выѣхали обратно на Кубань. Къ этому нужно прибавить, что до Муравьева и послѣ него не мало строилось такихъ же мостовъ и укрѣпленій, такими же точно средствами и по такимъ же точно инженернымъ смѣтамъ, какъ выше описано, и никто въ то время и не думалъ ограничивать или сокращать расходъ на эти предметы такъ, какъ это дѣлалъ Муравьевъ, что всѣхъ, особенно заинтересованныхъ въ этихъ сооруженіяхъ, можно сказать, поразило.

Почтенный М. Я. Ольшевскій долженъ помнить хорошо, что въ дѣйствовавшемъ корпусѣ на кавказско-турецкой границѣ, подъ начальствомъ князя Василя Осиповича Бебутова, до при-

бытія Муравьева, были подняты цѣны на всѣ предметы продовольствія какъ интендантствомъ, такъ и частными начальниками — до баснословной высоты, т. е. въ нѣсколько разъ выше цѣнъ нормальныхъ, существовавшихъ до начала военныхъ дѣйствій, хотя войска наши еще не переступали границы, а были, такъ сказать, у себя дома, около г. Александрополя. Замѣчательно, что каждая война начинается прежде всего войною своихъ же противъ казны, т. е. противъ народнаго достоянія, и обнаруживаетъ самую возмутительную картину разнузданнаго грабежа ея, весьма чувствительно отзывающагося на народномъ благосостояніи очень долгое время. Эту дѣйствительность, въ свое время, въ числѣ немногихъ, понималъ вполнѣ Н. Н. Муравьевъ.

Какъ только прибылъ Муравьевъ въ Закавказскій край и ознакомился съ положеніемъ дѣлъ, онъ безотлагательно принялъ самыя энергическія и дѣятельныя мѣры къ лучшему обезпеченію войскъ продовольствіемъ и къ возможному сокращенію на него расходовъ, какъ извѣстно составляющихъ всегда самую огромную трату казны. Онъ убѣдилъ подрядчиковъ доставлять провіантъ по возможно умѣреннымъ цѣнамъ, а мѣстныхъ губернаторовъ и уѣздныхъ начальниковъ, подъ угрозою строгой отвѣтственности по законамъ военнаго времени, обязалъ оказывать подрядчикамъ личными своими дѣйствіями возможные пособія къ отысканію у мѣстныхъ жителей хлѣба и склоненію ихъ на продажу за умѣренную цѣну. Когда мы съ генераломъ Рудзевичемъ пріѣхали въ Эривань, то не нашли дома губернатора генерала Назарова, который разъѣзжалъ по губерніи для исполненія этого самаго порученія.

Что касается фуражнаго довольствія всѣхъ лошадей кавалерійскихъ, артиллерійскихъ и всякаго рода подъемныхъ, что обыкновенно лежитъ на обязанности и попеченіи всѣхъ частныхъ начальниковъ,—то для этого Муравьевъ установилъ таксу справочныхъ цѣнъ самую умѣренную, не превышавшую 15% выше цѣнъ нормальныхъ до войны и, такимъ образомъ, сбавилъ цѣну на овесъ или ячмень за четверть примѣрно съ 20 р. до 4-хъ и 5 руб. Такая мѣра вызвала, конечно, громкій ропотъ со стороны многихъ (но не всѣхъ) полковыхъ, батарейныхъ и другихъ командировъ, говорившихъ во всеуслышаніе, что они откажутся принять на свое попеченіе фуражное довольствіе. Но